ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЮРЬЕВСКАГО АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ

О ФИЛАРЕТѢ МИТРОПОЛИТѢ МОСКОВСКОМЪ.

Августа 12-го, 1814 г. Петръ Спасскій (Фотій) явился съ прочими къ Пастырю своему и Владыкѣ Митрополиту Амвросію: онъ принялъ всѣхъ, какъ своихъ, благословивъ отпустилъ, приказавъ явиться къ начальнику Академіи Ректору Филарету Архимандриту. Когда не обрѣли его дома, сряду

помянувъ внушеніе своего Архимандрита Владиміра, дабы явиться на благословеніе къ Ректору Семинаріи Архимандриту Иннокентію, то искали входа къ нему: нечаянно въ залъ его вшедъ надъ вратами полунощными подъ звѣздою живвшаго, вопрошали самого Иннокентія угощающаго Филарета, гдѣ живетъ Иннокентій? Между прочимъ говорили, что отца Ректора Филарета искали, но нѣтъ дома, и не знаемъ гдѣ онъ? Но не знали, что сей есть съ нами говоряй—Иннокентій, а сидяй у него—Филаретъ. Филаретъ сидяй на диванѣ и улыбаясь говоритъ: «Филаретъ въ Лаврѣ, скоро будетъ, какъ я думаю, у себя дома; то вы можете его видѣть». По вечеру пришли къ Филарету, увидѣвъ его, благословились; и тогда познали, что видѣли его въ келліяхъ Иннокентія, но не узнали его, и той себя не объявилъ. Онъ принялъ всѣхъ такъ, что въ страхѣ всѣ отошли.

Какъ скоро собрались изъ всѣхъ семинаріи ученики, назначенъ былъ частный экзаменъ всѣмъ вновь поступившимъ въ Академію. Въ первый разъ самъ Филаретъ пришелъ дѣлать испытанія. Отличился Петръ Спасскій предъ лицемъ его; ибо, когда никто не могъ отвѣчать на вопросы Филарета, вставая поднималъ онъ руку, какъ знакъ, что можетъ отвѣчать на его премудрые вопросы, и отвѣты дѣлалъ ему долгіе, подробные, а оные состояли въ разборѣ и поясненіи шестидневнаго творенія. Филаретъ весьма остро, но любезно, какъ Ангелъ Божій, радуясь, смотря на Петра, выслушивалъ длинные отвѣты, сдѣлалъ три замѣчанія противъ имени его въ спискѣ, крестики поставивъ.

На истолкованіе Св. Писанія самъ Филаретъ приходилъ преподавать. Во все время его ученія, какъ ходилъ онъ преподавать по части божественнаго Писанія, многіе многое замѣчали, безумные безуміе о немъ повѣдали. Петръ же каковое сдѣлалъ замѣчаніе, таковое здѣсь описывается.

Филаретъ былъ украшенъ звѣздою, крестомъ драгоцѣннымъ; роста средняго, смуглъ лицемъ, власы средніе темнорусые,

браду долгую имѣлъ, лицемъ всегда свѣтлъ, веселъ быть казался, у него были глаза острые, проницательные, видъ постенъ, строгъ и пріятенъ; поступь его была не скорая, важная, голосъ тихъ, тонокъ, но ясенъ, рѣчь важная, говорилъ остро, высоко, премудро, но все болѣе къ уму, менѣе же къ сердцу; свободно дѣлалъ изъясненіе Священнаго Писанія, какъ бы все лилось изъ устъ его; привлекалъ такъ учениковъ къ слушанію себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердіе слушать его еще болѣе безъ ястія и питія; оставлялъ онъ сильныя впечатлѣнія въ умы отъ ученій своихъ. Всѣмъ казалось истинно пріятно, совершенно его ученіе. Казался онъ во время оно ораторъ мудрый, краснорѣчивый, писатель искусный. Все доказываетъ, что онъ много занимался въ наукахъ. Изъ разныхъ повѣствованій о немъ слышно было и самому лично извѣстно, что былъ весьма сердоболенъ, милостивъ, любилъ монашескій санъ ученыхъ и желалъ, чтобы достойные всѣ поступали въ санъ монашескій.

Петръ Спасскій, сдѣлавшись боленъ, неизвѣстно отъ кого слышалъ, что Филаретъ сострадателенъ, милостивъ весьма и его знаетъ. Помыслъ ему пришелъ тогда:—поди и проси, дабы въ домъ отца отпустилъ лечиться. По сему случаю пришедъ, видитъ наединѣ Филарета къ себѣ сострадательность и милость. Идя же къ Филарету призвалъ Господа въ помощь, сталъ у дверей въ прихожей комнатѣ его. По докладу вскорѣ, какъ вышелъ къ нему Филаретъ: вотъ видъ лица его былъ яко Ангела Божія; онъ сожалѣлъ о его болѣзни, взялъ на себя попеченіе искать средствъ къ его облегченію. Петръ же говорилъ ему: отъ юности имѣю наклонность къ монашеству, то исключи ты меня изъ святилища академическаго; я какъ получу облегченіе, пойду въ монастырь въ число послушниковъ, куда-нибудь въ невѣдомыя мѣста; я болѣе никуда теперь не гожусь, потерявъ совершенно мое здоровье.

1815 г. въ Вознесеніе къ началу звона ко всенощной.

Петръ Спасскій потребованъ былъ къ Митрополиту, и въ присутствіи Филарета знаменитый докторъ Каменскій осматривалъ его и велѣлъ отпустить на родину. Петръ объяснилъ Ректору Филарету неимѣніе средствъ и для отправленія и для жизни у бѣдныхъ родителей. Вскорѣ Филаретъ призываетъ его къ себѣ, вручаетъ ему отъ Митрополита 50 р. и отъ себя 25 рубл.; посылаетъ къ нѣкіимъ лицамъ; такъ собралось почти 100 рублей. Вообразить не можно, какая радость ему тогда была; Филарета же всегда имѣлъ предъ очами и усердно Богу молился за него. Отъ сего времени видѣлъ въ Филаретѣ вину всего облегченія и будущее благоволеніе.

По возвращеніи изъ дома, Петръ Спасскій просилъ объ увольненіи изъ Академіи. Изъ предложенныхъ ему трехъ мѣстъ онъ желалъ занять учительское при Семинаріи Петербургской въ самой Лаврѣ, дабы на классъ Богословія и Св. Писанія ходить было возможно къ Филарету и усовершенствовать себя въ томъ, въ чемъ недостатокъ имѣлъ. Призываетъ его къ себѣ Филаретъ, взираетъ на него остро, но съ ангельскою кротостію и благостію, взираетъ свѣтлымъ лицемъ и говоритъ: «я не хочу тебя, Петръ Спасскій, изъ виду упустить, будешь въ моихъ очахъ ты, я въ тебѣ предвижу надежду добрую». По его же благословенію благоволилъ Ректоръ Семинаріи Иннокентій принять его въ учителя въ училище при Семинаріи въ Лаврѣ Невской.

Въ теченіе житія въ С.-Петербургской Академіи самъ своими очами что̀ Петръ Спасскій видѣлъ и самъ дозналъ и испыталъ о качествѣ Филарета, то здѣсь повѣдается. Сила, красота, достоинство и слава Духовной Академіи былъ одинъ Филаретъ. Петръ студентъ его любилъ и думалъ, что во всю жизнь свою не обрящетъ себѣ другаго по сердцу болѣе. Ученики Академіи, особенно же поступившіе изъ С.-Петербургской Семинаріи, не довольны были имъ. Строгое его Филарета смотрѣніе, взысканіе обращали въ злое намѣреніе, приписывали его злобѣ, и любовь къ нему не многіе

имѣли. Когда слушали его проповѣди и Иннокентія,—то одни отдавали преимущество Филарету, а другіе Иннокентію въ духѣ и краснорѣчіи. Петръ же любилъ, какъ своего Ректора, видѣлъ въ словахъ его умъ, глубину, таинственныйі смыслъ и знаніе, а въ Иннокентіѣ ревность и любовь по Бозѣ: Филарета почиталъ, а Иннокетнія любилъ. Всякій видъ, всякое мановеніе, движеніе замѣчалъ въ Филаретѣ и учился въ нихъ образъ перенимать всего. Говоря о томъ, что нѣкоторые студенты бывали въ театрѣ, Спасскій прибавляетъ: иные отъ имени Филарета позволеніе, сказывали, имѣли ходить въ театръ для навыка свободному произношенію и дѣйствію, — не вѣрю, что Филаретъ благоволитъ кому-либо быть въ театрѣ и совѣтуетъ отъ демоновъ театральныхъ во плоти имѣть пользованіе.

За пороки Филаретъ и лучшихъ, бывшихъ по ученію, изгонялъ изъ Академіи навсегда.

Въ бытность Петра Спасскаго учителемъ, Филаретъ ему свою любовь при всякомъ случаѣ являлъ. Иннокентій и Филаретъ въ очахъ его, какъ два свѣтильника, всегда были живые, боялся мыслить, втайнѣ дѣлать даже не угодное имъ; какъ предъ лицемъ, такъ и заочно съ благоговѣніемъ самое имя ихъ вспоминалъ, предъ лицемъ же его никто слова не смѣлъ сказать въ безчестіе ихъ; почиталъ ихъ, какъ властей отъ Бога поставленныхъ во всей силѣ; всегда даже ему срѣтеніе и свиданіе съ ними было въ пользу едину.

Назначаютъ Петру Спасскому день постриженія: у него всего пять рублейі, не на что сшить одежду. Но вотъ его зоветъ Филаретъ и Амвросій Митрополитъ благословить. Филаретъ милостивый даетъ ему клобукъ, рясу добрую, камилавку; Митрополитъ дастъ ему рясу, подрясникъ бархатный, сто рублей, молитвенникъ и четки.

Приведенный къ постриженію 1817 г., Февр. 16, Петръ видитъ, что благоговѣйнѣйшій Филаретъ предстоитъ хотяй пострищи, и се возглашаетъ Филаретъ: «братъ нашъ Фотій

постригаетъ власы своя и пр.» Фотій опредѣленъ законоучителемъ въ первый кадетскій корпусъ. Во время оно было первое испытаніе по его должности въ законѣ Божіемъ на публичномъ экзаменѣ дѣтей — кадетъ въ чины офицерскіе; на семъ экзаменѣ Ректоръ Филаретъ былъ, и не любящимъ Фотія начальникамъ похвалами вознесъ, привелъ въ любовь у начальства корпуснаго, и Митрополиту Амвросію весьма похвалилъ его успѣхъ въ законоучительствѣ, между тѣмъ, какъ его доселѣ, яко неспособнаго къ должности и малоумнаго отрѣшить усиливался Директоръ корпуса Андрей Ивановичъ Маркевичъ, и о томъ представить, куда слѣдуетъ. Но Божіею милостію онъ съ сего времени укрѣпился въ должности и званіи своемъ.

Говоря о распространеніи мистико-масонскихъ сочиненій и бездѣйствіи высшихъ духовныхъ лицъ противъ распространенія этихъ книгъ, Фотій опять обращается къ Ректору Академіи.

Не безмѣстно же здѣсь сказать о Филаретѣ нѣчто—многоученнѣйшемъ мужѣ своего времени и образователѣ всѣхъ отличныхъ духовныхъ заведеній; отцу Фотію всѣхъ извѣстнѣе могъ быть и былъ по всѣмъ частямъ славный сей витія, писатель, учитель въ ученомъ свѣтѣ и предъ человѣками въ мірѣ. Филаретъ былъ сотоварищъ и сослужитель Иннокентія, а Иннокентій былъ Фотію наставникъ и отецъ, и все объ немъ повѣдалъ отъ юности, что зналъ самъ и замѣчалъ. Фотій самъ былъ ученикомъ у Филарета въ Академіи, учителемъ бывъ, близъ Филарета жилъ, зналъ его всѣ связи, ходы и выходы; что Филаретъ скажетъ кому хотя слово тайно, оное выходило явно. Іеромонахомъ когда былъ Фотій, — Филаретъ жилъ въ столицѣ, въ очахъ его былъ Ректоромъ Академіи и Архимандритомъ, послѣ — Архіепископомъ Тверскимъ, Ярославскимъ и наконецъ Митрополитомъ Московскимъ, — до сего времени Фотію образъ жизни его дѣяній паче всѣхъ извѣстенъ. Безумное было бы

дѣло, если бы онъ безъ вниманія оставилъ того человѣка, и не замѣчалъ за нимъ ничего, коему дивились сонмы ученыхъ и коего славою оглашалось все государство. Фотій близъ всегда Филарета жилъ, или должности и званіе проходилъ, не часто къ нему приходилъ, но и не рѣдко. Онъ будучи Ректоромъ и Викаріемъ принималъ Фотія, какъ не возможно на его мѣстѣ принимать лучше; Филаретъ являлъ ему пріязнь, а Фотій имѣлъ къ нему уваженіе не малое; онъ всегда ухо преклонялъ къ услышанію моленія Фотія. Отъ устъ его никогда ни одного слова не слыхалъ напротивъ вѣры православной, напротивъ Церкви восточной Христовой; онъ молчаливъ былъ, кротокъ, тихъ; каждое слово его имѣло вѣсъ и силу, человѣкъ былъ исполненъ многаго ученія.

Какъ начнешь, повѣдалъ отецъ Фотій *), судить объ немъ отъ его словъ, его бесѣдъ, его образа житія,—то не можно не почесть его великимъ свѣтильникомъ учености. Но какъ объ немъ много молвятъ Святители духовные, мірскія лица, православные ревнители вѣры и Церкви защитники,—то жаль просвѣщеннаго сего мужа, просвѣтителя учебныхъ заведеній. Сколь объ немъ невыгодная молва всегда была и всегда есть: то онъ самъ виною помраченія славы земныя, — онъ засѣдалъ въ дѣлѣ перевода священныхъ писаній на простое нарѣчіе русское...... Какъ можно было Филарету склониться на мнѣніе и дѣло людей мірскихъ (Лабзина и Попова), недостойныхъ сапога у него снимать?

Подписавшіе переводъ Новаго Завѣта всѣ, кромѣ Филарета, Преосвященные неискусны были въ знаніи языковъ, слабы вѣрою и житіемъ, и все могли, по невниманію своему; но Филаретъ не могъ этого сдѣлать: у него каждое слово имѣетъ вѣсъ и силу въ простой бесѣдѣ.

Къ чести Филарета скажу здѣсь то, что онъ на спросъ Иннокентія: взять ли ему въ келлію слѣпца (близкаго къ

*) Записки Фотія писаны такъ, что о Фотіѣ говорится въ третьемъ лицѣ.

Лабзину и Попову), сказалъ, чтобы онъ не бралъ, и опасался его весьма. Изъ сего видно, что Филаретъ не былъ единаго духа съ лукавыми. Въ оное время былъ союзъ любви между Филаретомъ и Иннокентіемъ, и яко друзи были искренніе,—искренніе свѣтильники, подававшіе надежду собою во благо Церкви: всѣ такъ о нихъ думали и отъ нихъ ожидали одного добраго по православію, противъ котораго явно была брань словомъ, дѣломъ, писаніемъ и всякими образами, и готовили враги новую какую-то библейскую религію ввести, смѣсь вѣры сдѣлать, а православную вѣру Христову искоренить.

ИЗЪ ПИСЬМА ТОГО-ЖЕ АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ

КЪ МИТРОПОЛИТУ ФИЛАРЕТУ

1827 г. Декаб. 23 дня.

Первое вліяніе ты на меня сдѣлалъ больнаго въ Академіи, давъ мнѣ въ крайней бѣдности нѣчто на путь, второе — о постриженіи, третіе — какъ нѣкогда я пришелъ къ тебѣ весь мокрый, ты меня въ спальнѣ посадилъ и, снявъ платье мое съ меня, обсушивалъ. Всѣ три благодѣянія на меня во всякое время имѣли вліяніе и къ тебѣ втайнѣ согрѣвали сердце мое нерѣдко.